

части (гривка) плахты. На нагрудной и верхней одежде украшения размещались на талии, вдоль подрезных бочков и верхней полы, в нижней части рукавов, на воротнике.

Размещение декора на элементах украинской одежды, входящих в состав разных локальных комплексов конца XIX — начала XX в., имело как общие, так и специфические признаки. Так, в сорочках, бытовавших на Правобережье Днестра, орнамент украшал рукава, грудь, ворот, манжеты, подол; в сорочках, распространенных на Левобережье, орнамент заполнял рукава, украшал подол; на вороте, манжетах и груди декор отсутствовал. В Западном Полесье подол сорочек чаще не украшался. В Карпатах и на юге Подолии вышивка на сорочках располагалась не только на рукавах, груди, вороте, манжетах, подоле, но и на спине. Существовали различия и в локализации декора на поясной, нагрудной, верхней одежде. В праздничных запасках (*попередницях*) сельского населения Киевщины композиционный центр орнамента был в нижней части. В самой Подолии орнаментом заполнялась вся площадь запаски. Свои особенности в размещении рисунка, как и в его колорите, имели центральноподнепровские плахты, гуцульские *запаски*, *обгортки*, *опинки*, *дерги* у жителей Карпат, Прикарпатья и Подолии. Ритмом и размещением орнамента различались украинские юбки (*андарак*, *літник*, *фартух*, *бурка*, *димка*).

Центр декора на безрукавках-керсетках Киевщины располагался с одной стороны — в нижнем правом углу (*нарізник*, *квітка*), на Полтавщине — вдоль всей полочки (*левадка*). Асимметрия расположения декора характерна и для верхней одежды сельского населения Поднепровья, особенно для кожухов. В западных областях Украины в верхней одежде и в безрукавках декор размещался симметрично на обеих полочках.

Таким образом, художественные особенности традиционной народной одежды органически связаны с процессом ее создания, начиная с определения функционального назначения, выбора материала, колористики, кроя, техники выполнения и кончая заключительной отделкой, а также способом ношения и объединения элементов в комплексы.

В заключение необходимо отметить, что художественные особенности традиционной, в данном случае украинской, одежды отличаются ярко выраженной этнолокальной спецификой, характерной не только для конкретных районов, но и для отдельных сел. Несмотря на вариативность, разнообразие приемов, все же выделяются локальные стереотипы художественно-этнического облика, которые согласуются и по другим этнографическим признакам, в частности по крою, терминологии и т. д. Проведенный анализ художественных особенностей народной одежды дает возможность поставить вопрос о картографировании изучаемых явлений, что позволит более активно привлекать народный костюм в качестве исторического источника.

С. А. Азизов

К ВОПРОСУ О ДАГЕСТАНСКОЙ ТУХУМНОЙ ЭНДОГАМИИ

В основу данной статьи положены полевые материалы, собранные нами в 1986, 1987 гг. в селениях Ахтынского, Рутульского, Магарамкентского, Агульского, Хивского и Табасаранского районов Южного Дагестана, где проживают лезгины, рутулы, цахуры, агулы, табасараны и другие народы лезгинской группы языков кавказской семьи¹. Кроме

¹ Материалы хранятся в архиве Ин-та этнографии АН СССР.

того, использованы литературные данные, в том числе записи обычного права и другие сведения по проблеме эндогамии дагестанского тухума, т. е. более или менее широкого круга родственников.

Проблема состоит в следующем. У всех народов Кавказа издавна существовала строжайшая патронимическая экзогамия, и нормы обычного права строго запрещали заключать браки между членами фамилий и внутрифамильных родственных объединений. У некоторых народов Кавказа, например у адыгских, браки запрещались также между жителями одного села. Исключение из этого правила — лишь азербайджанцы и народы Дагестана, в тухумах которых с древних времен господствовали эндогамные традиции (под последними в данном случае имеются в виду традиции преимущественного заключения брака внутри группы — эндогамия в широком смысле слова). И только в последнее время тухумная эндогамия у народов Дагестана стала исчезать либо исчезла. В связи со всем этим естествен ряд вопросов, частью уже ставившихся в литературе, частью же возникающих впервые. Обобщим те и другие.

Сам факт эндогамности дагестанского тухума отмечался неоднократно. В научной литературе одним из первых это сделал М. М. Ковалевский. Он писал, что «обстоятельство, более других содействующее обособленности дагестанских родов, составляет полное господство в их среде эндогамии; этот факт заслуживает тем большего внимания, что ничего подобного мы не находим у соседних с Дагестаном горцев... Ни у кого, кроме жителей Дагестана, мы не находим предписания, что в брак можно вступить исключительно с женщинами собственного рода»². Много десятилетий спустя М. О. Косвен по сути дела повторит то же, одновременно отметив, что феномен дагестанской эндогамии остается «в кавказоведении, как, впрочем, и вообще в этнографии, весьма скудно, недостаточно и неточно описанным»³.

С тех пор тухумная эндогамия в Дагестане неоднократно привлекала к себе внимание. Прежде всего встал вопрос о ее древности. Хотя, по-видимому, нет нужды в общем виде доказывать, что данный институт не изначален (ведь ни один народ мира не миновал в своем историческом развитии родовой экзогамии, как не миновал он родовой организации), представляют интерес специфические доказательства вторичности тухумной эндогамии в Дагестане. Л. И. Лавров подметил, что у народов Дагестана на свадьбе «тухум (фамилия), внутри которой заключается брак, временно делится на два лагеря. Один из них держит сторону жениха, а другой — невесты. На свадьбе между ними разыгрываются сцены, имитирующие борьбу чужих и даже враждебных друг другу людей. Такие обычаи достаточно хорошо известны при заключении экзогамных браков, и объясняются они пережитком реальной борьбы, в древности вспыхивавшей из-за женщин у чуждых друг другу коллективов. У народов же, которые придерживаются эндогамии, подобные обычаи объяснить невозможно, если не стать на точку зрения, что до эндогамии здесь господствовала экзогамия»⁴. К этому можно добавить и некоторые другие данные, как литературные, так и полевые.

Например, у лезгин с. Кара-кюре Ахтынского района в родственных объединениях (сихил) Югулар и Пугъуцар существовало обязательно четное число родственных групп (именуемых тухумами), в которых заключались браки строго между двумя определенными тухумами. При этом, в частности, в сихиле Югулар браки разрешались только между членами дальнородственных групп — яргъал и миресар⁵.

Нами также были зафиксированы в с. Куруш Ахтынского района патронимические организации типа сихил. Это сихилы Хайтакар, Къзизрар, Хебешар, Чувалар, Ктар, Маралар, Айдынар и др., которые делились на более близкие родственные группы — «силы»; в рамках послед-

² Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 142.

³ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 25—26.

⁴ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 31—32.

⁵ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX века. М., 1978. С. 133.

них строго запрещалось заключать браки, их также было четное число. Как утверждают информаторы, прежде были эсилы, которые взаимно обменивались невестами⁶. В с. Зрых Ахтынского района насчитывалось семь больших сихилов (Панагьар, Эпелар, Усманар, Чепехъанар, Татарханар, Палдабашар, Эскерар) и 18 тухумов (Къаргъияр, Ахтармаяр, Ягъяяр, Ргалияр, Аштарар, Энжияр, Пашаяр, Урдуханар, Аспарар, Хаталар, Эпихъар, Чепехъанар, Татарханар, Палдабашар, Гъайдарар, Эскерар, Демирчияр, Адияр). Старожилы рассказывают, что прежде почти в каждом сихиле были определенные тухумы, которые постоянно обменивались невестами, а внутри тухума браки вообще запрещались⁷. Сходные сведения получены и от других информаторов.

Подобных примеров, свидетельствующих об изначальной экзогамности в наиболее близких родственных объединениях на территории Южного Дагестана, можно было бы привести немало. Касаясь этого вопроса, М. А. Агларов пишет, что «экзогамия у большинства народов исчезает вместе с родовым строем. Так оно, видимо, случилось и в Дагестане, где, как известно, нет экзогамии и браки внутри тухума (или патронимии, по М. О. Косвену) разрешены вплоть до кузенных, как это имеет место и у других народов Переднего Востока (особенно у мусульман)»⁸. Более определенно датирует время исчезновения экзогамии Л. И. Лавров, который, ссылаясь на средневековые источники, считал, что тухумная эндогамия существует в Дагестане и Азербайджане не менее тысячи лет⁹.

Следующий вопрос — о причинах того, почему у народов Дагестана (как и у некоторого, впрочем, ограниченного числа других народов мира) родственная экзогамия не просто прекратила свое существование, а сменилась родственной эндогамией. В нашей литературе этот вопрос рассматривался как на общезтнографическом¹⁰, так и на собственно дагестанском¹¹ материале. Предложенные решения не противоречат одно другому и применительно к народам Дагестана выявляют главным образом экономические, но отчасти и идеологические мотивы. Обращалось внимание на следующее: во-первых, земельный надел, выделяемый дочери некоторыми народами Нагорного Дагестана, оставался в пределах своего тухума; во-вторых, особенно у народов Южного Дагестана, когда девушку выдавали замуж внутри тухума, размер калыма бывал меньше обычного; в-третьих, девушка из своего тухума, как считали в народе, более предана мужу, чем чужеродная; в-четвертых, были более затруднены разводы. У жителей табасаранского с. Хучни бытовала песенка, в которой говорится о том, как девушка просит двоюродного брата жениться на ней:

Амим оглу ал мени,
Ал джибина сал мени,
О джибинда йерлешмесем,
Ал яйлыга сал мени. (азерб. яз.)

Двоюродный брат, возьми меня замуж,
Возьми и положи меня в карман,
Если не умещусь в кармане,
Оберни меня в алый платок.

Следует указать и на то, что при выдаче девушки замуж в пределах своего тухума ее родственники, как это было принято у табасаранов, де-

⁶ Полевые материалы автора. 1986. Информатор Залов К. (92 года, с. Куруш Ахтынского р-на).

⁷ Там же. Информатор Азизова К. (более 80 лет, с. Зрых Ахтынского р-на).

⁸ Агларов М. А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1986, с. 5.

⁹ Лавров Л. И. Указ. раб. С. 31.

¹⁰ Ольдерогге Д. А. Из истории семьи и брака (Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1947. № 1; Першиц А. И. Из истории патриархальных форм брака (нахва — ортокузенный брак у арабов) // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ). Вып. 24. М., 1955.

¹¹ Никольская З. А. История семейно-брачных отношений аварцев XIX века // КСИЭ. Вып. 8. М., 1949; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 268; Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин XIX — начала XX в. // Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. 12. Махачкала, 1964; Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности андийцев в XIX веке // СЭ. 1964. № 6; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971; Лавров Л. И. Указ. раб. С. 31, и др.

дали ей дополнительные подарки (ковры, платки, шерстяные чулки и т. д.), которые они приносили ей в день свадьбы¹². Отметим также, что у агулов, если девушка была очень хозяйственна, хорошо обучена вязанию, ткачеству и т. д., умна, знала арабский язык, коран, то ее, как правило, отдавали замуж только за представителя своего тухума¹³.

Возможно, были и другие причины экономического и идеологического характера. Их еще предстоит выявить. Однако относительно предпочтительности браков внутри тухума в Дагестане в XVII—XIX вв. сомневаться не приходится, хотя в это время равно разрешались браки внутри сельской общины и между представителями разных тухумов. Нельзя согласиться с мнением М. А. Агларова и Б. Р. Рагимовой, которые в своих работах подвергают сомнению то, что у народов Дагестана, в том числе и у самурских лезгин в XIX в., предпочитались браки внутри тухума¹⁴.

В этом случае необходимо уточнить понятия обязательных и предпочтительных браков. В частности, у народов Южного Дагестана, где мы проводили исследования и собирали полевой материал в 1986 и 1987 гг., во всех селениях старожилы единодушно утверждали, что в прошлом однотухумные браки не предписывались, а предпочитались. Но и межтухумные одноаульные браки предпочитались по сравнению с межаульными. Последние в XIX в. заключались очень редко. К женщинам, привезенным из других сел, односельчане относились немного свысока, с пасмешкой. Их никогда не называли собственным именем, а именем того села, откуда привезли. Даже дома мужа не называли их собственным именем, а обращались к ним: «Кира, Макън, Ичти» — и т. д., т. е. по имени того села, откуда они родом. Со временем они сами забывали собственное имя. Таким образом, можно сказать, что в XVII—XIX вв. у народов Южного Дагестана наряду с предпочтительной тухумной эндогамией существовала предпочтительная аульная эндогамия.

О наличии тухумной эндогамии свидетельствуют и литературный материал, и архивные источники данного периода. В памятке обычного права Дагестана, записанном в 60 годах XIX в. в Табасарани говорится, что «степеней родства, когда прекращается принадлежность к тухуму, не имеется; родство поддерживается тем, что преимущественно они женятся на членах своего же тухума, поэтому связь родства в тухуме постоянно возобновляется. Женитьба из двух различных тухумов бывает только в исключительных случаях, когда нет соответственной пары в своем тухуме. В особенности обычай жениться на своих сохраняется в сильных тухумах»¹⁵.

Последнее замечание подтверждается также нашими полевыми материалами 1986 и 1987 гг. по цахурам, рутульцам, агулам, лезгинам и табасаранам. Традиции однотухумных браков больше придерживались многолюдные, состоятельные, влиятельные тухумы. Или же богатые тухумы отдавали своих девушек за представителей таких же богатых тухумов, юноши же из бедных тухумов женились на девушках из бедных тухумов.

Отметим еще одно любопытное явление, характерное для многих селений Южного Дагестана. Информаторы единодушно утверждали, что жители местных тухумов не выдавали своих девушек замуж за мужчин из пришлых тухумов и не брали замуж их девушек. Такая же была участь и так называемых рабских тухумов¹⁶. Поэтому пришлые в сель-

¹² Полевые материалы автора. 1987. Информатор Агабаев Г. (62 года, с. Ничрас Табасаранского р-на).

¹³ Там же. Информатор Ахмедов А. (59 лет, с. Рича Агульского р-на).

¹⁴ Агларов М. А. Сельская община... С. 9; Рагимова Б. Р. Общинное регулирование брачных норм у самурских лезгин // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — начале XX в. С. 120.

¹⁵ Поручик Сотников. Сведения о Табасарани // Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965. С. 47.

¹⁶ Полевые материалы автора 1986—1987 гг. Села Мишлеш, Гельмец, Калял и др. Рутульского р-на; села Смугул, Хнов, Фий, Мискинджа и др. Ахтынского р-на; села Буркихан, Чираг, Тпиг Агульского р-на.

ской общине тухумы в большей степени сохраняли эндогамность, нежели местные тухумы, сихилы, ахалы и другие кровнородственные объединения. Очевидно, что в этих случаях при заключении браков важную роль играли экономические, сословные, психологические факторы. Это было связано прежде всего с тем, что в XVIII—XIX вв. классовая дифференциация сельских обществ Южного Дагестана достаточно усилилась и происходило быстрое обособление феодализирующейся верхушки в связи с процессами перехода общинных земель в частную собственность, проникновением товарно-денежных отношений, усилением концентрации поголовья овец в руках общинной верхушки и т. д.

Таким образом, судя как по литературным, так и по полевым материалам 1986—1987 гг., собранным на территории Южного Дагестана, до XX в. тухум здесь оставался преимущественно эндогамным и преимущественно эндогамной была также сельская община. Эта тухумная и общинная эндогамия у лезгин, рутульцев, агулов, цахуров и табасаран продолжала существовать вплоть до начала XX в. В дальнейшем можно говорить о процессе уменьшения тухумной эндогамии за счет усиления эндогамии общины.

Наименее исследовав и, пожалуй, наиболее интересен последний вопрос — о судьбах тухумной эндогамии в советское время. Полевые материалы свидетельствуют, что после Великой Октябрьской социалистической революции в результате всесторонних изменений в жизни народов Дагестана тухумная эндогамия стала постепенно исчезать, переходя в тухумную экзогамию. Этот процесс стал особенно заметен в послевоенные десятилетия.

Причины исчезновения тухумной эндогамии представляются ясными. Рост материального благосостояния и культурного уровня народов Дагестана, существенное изменение положения женщины в обществе и семье, начавшийся отход от прежнего межполового разделения труда, демократизация структуры семьи в целом и т. п. — все это остановило действие тех причин, которые вызвали к жизни тухумную эндогамию. В настоящее время ни в одном из обследованных нами селений Южного Дагестана почти не встречается браков, заключенных внутри тухума. За последние 5—8 лет зафиксировано лишь два-три брака на двоюродных или троюродных сестрах, а в некоторых селениях, как Койсун, Горах, Магарамкент, Зрых, Хлют, Рутул, Смугул, Буркихан, Тпиг и др., за последние 5 лет не было ни одного случая внутритухумных браков¹⁷. Женятся и выходят замуж юноши и девушки в основном в пределах одного селения. Но частыми стали также случаи выхода девушек замуж за юношей из соседних сел, соседних районов, а в отдельных случаях даже за представителей других национальностей.

Этот процесс в современных условиях естествен и этнографически понятен. Менее понятно другое: почему отход от родственной эндогамии повел у народов Дагестана не к характерной для населения современных развитых стран относительной гетерогамии, а к возрождению другой архаической формы — родственной, тухумной экзогамии или по крайней мере тенденции к такой экзогамии?

Когда спрашиваешь у местных жителей, чем можно объяснить такую тенденцию, и сами брачащиеся, и их родители ссылаются на нежелательность и предосудительность близкородственных браков. Говорят о том, что двоюродные и троюродные братья или сестры почитаются у народов Дагестана как родные, о том, что от родственных браков могут родиться неполноценные дети и т. п. Словом, информаторы высказываются таким образом, как будто бы в самом недалеком прошлом народов Дагестана не существовало прочной традиции тухумной эндогамии.

¹⁷ Полевые материалы автора 1986—1987. Села Мишлеш, Гельмец, Калял Рутульского р-на; села Ахты, Хнов, Фий, Мискинджа Ахтынского р-на; села Койсун, Магарамкент, Гильяр, Гарах и др. Магарамкентского р-на; села Буркихан, Тпиг и др. Агульского р-на.

По-видимому, уверенно говорить о замещении тухумной эндогамии тухумной же экзогамией еще рано, так как не исключено, что наметившаяся тенденция останется нереализованной. В такой же степени еще требуется дальнейшее углубленное исследование того, почему тухумная эндогамия стала уступать место не гетерогамии, а экзогамии. Пока же в самой предварительной форме выскажем лишь некоторые предположения о причинах наблюдаемого процесса.

С ростом материального благосостояния у народов Дагестана не только отпала необходимость в «льготных» внутритухумных браках. Как и у большинства других народов страны, создалось известное опережение материальным достатком культурного уровня, создавшее условия для тяги к различным, и прежде всего свадебным престижным тратам и поступлениям¹⁸. Но если тратиться на родственников, одаривать их — в традициях народов Дагестана, то получение с них свадебных платежей идет вразрез с традициями. Это противоречие снимается неродственными, внетухумными браками. В том же направлении действует еще один фактор. С исчезновением былой изолированности и замкнутости народов Дагестана, с расширением контактов между ними и другими народами Кавказа не могло не сыграть своей роли влияние на дагестанские брачные порядки почти общекавказской родственной экзогамии.

¹⁸ Подробнее см. *Смирнова Я. С.* Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация//СЭ. 1980. № 1.

Х. Рахматиллаев

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ УЗБЕКСКОЙ ЧАСТИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Как известно, городское население по своей этнической структуре в подавляющем большинстве случаев бывает более сложным, чем население сельское.

Города узбекской части Ферганской долины не являются в этом плане исключением. Их этнический состав существенно отличается от этнического состава сельских районов, в связи с чем изучение этноструктуры городского населения может иметь самостоятельное значение. Целью настоящей статьи является анализ изменений этнического состава городского населения Ферганской долины за годы советской власти. Как мы увидим, изменения были весьма значительны.

Анализ этот несколько затрудняется тем, что городское население меняется не только в результате естественного прироста самих горожан и переселения в города жителей из других городских населенных пунктов и сельских районов, но также вследствие расширения границ городов за счет прилегающих сельских районов и преобразования некоторых крупных сел в города. Поэтому при сравнении данных об этническом составе городского населения за несколько лет следует всегда помнить, что это сравнение в определенной степени условно, так как сравнивается трудносопоставимый материал: в разные годы число городов было различным, да и границы городских территорий заметно различались.

Прежде чем перейти к анализу динамики этноструктуры городского населения узбекской части Ферганской долины, рассмотрим вкратце, как менялся в исследуемый период сам перечень населенных пунктов, имевших статус города, и как росла численность городского населения.

Первые городские поселения возникли в этом районе очень рано. Еще в кушанскую эпоху был известен город Касан (он находился по-